

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Министерства кинематографии СССР, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР

№ 43 (1131). Год издания XIX

Суббота, 23 октября 1948 года

Цена 45 коп.

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

В годы юности

Я помню, как
сейчас, приме-
ру Художествен-
ного театра «Царь
Федор Иванович».

Т. ЩЕТКИНА-КУПЕРНИК

К ней давно подготавливался общественное мнение: одна пророчила успех, а подсмеивались над отступничеством театра от старинных канонических — их было уже много — предвещивала блестящий успех: они оказались правы.

Когда мылись раздвинулись в первый раз, открыли сцену в палатах Шуйского, но залу пробивал шорох. Вместо изысканной декорации, представлявшей огромный зал, какой не было в драматическом театре, вместо чинной толпы статистов, только скопированной с картин Микеланджело, открылся вид на московские улицы и колокольни, а вверху возмущалась вышка русского театра, на которой происходила сцена пир. Получалось впечатление большого простора, всего того, что, когда Шуйский угощал своих гостей «из войсковой посуды». Вышка занимала всю левую часть сцены и отделялась от зрителей и разны высокой балюстрадой, так что фигуры актеров были видны только до пояса, что придавало сразу оригинальность постановки. Станиславский объяснил потом, что, помня оригинальность, тут представляла еще практическая цель: того небольшого количества статистов, которым располагал театр, было бы мало для большой сцены, а это сокращение размеров дало впечатление значительной толпы.

Играли эту замечательную пьесу прекрасно, и сразу в этом театре выделялись такие два таланта, как Москвитин и Куперник. Москвитин прощало с тех пор, как я увидела их, и в памяти стоит, как живой, Москвитин, трогательно и проникновенно олицетворявший Федора с его слабостью, робостью и детской чистотой. И многозначная Ирина с ее материнской любовью к близкому царю. Остались в памяти и первая и русская театральная народная сцена — «На Яру», когда Шуйского ведут из казна. Каждый участвующий в толпе играл без слов, но играл так, что поразил зрителя свое волеуверие, свое отчаяние и захватывал его своим переживанием.

О спектакле говорили все Москва, и было одно, что это настоящий, серьезный театр и что ему суждено остаться.

Я не могу не говорить о «Чайке». Столько в ней писано, что нового сказать нельзя: но я хочу упомянуть о том впечатлении, которое было испытано мной, да и каждым в театре. Вот это впечатление: что мне в театре слышалось, а откуда-то подматривал чужую жизнь, как я определила его. Когда кончались первый акт и занавес спускался, — весь зал некоторое время молчал, потрясенный, казалось, что здесь так же невозможно заплотировать, как нельзя было бы заплотировать, если бы не наших глаз раздался вопль отчаяния нашего близкого человека. Совершенно забывалось, что это — театр, что эти слова говорят актеры, а не мы. И мол-

чали еще долго, несколько секунд, а может быть и минуту, пауза, во время которой ак-

теры, как мы потом узнали, решили, что молчалие — знак провала. Но молчалие страшно многозначно. Но молчалие росло, росло, мы вспоминали, что мы в театре, и разразилась буквально буря. Артисты едва могли поверить своему успеху, но в зале творилось что-то невообразимое, их выжидали без конца, и когда они сходили, что это — успех, они плакали от радости и обнимались: им ведь была известна та мысль, что они еще раз заставят тяжело больного Чехова пережить провал своей «Чайки». Совершенно закончилась трибуна. Публика долго не могла успокоиться. Тихий Н. Е. Эфрос — талантливый искусствовед и критик — совсем вышел из берегов: он вскочил на стул и кричал: «Телеграммы, телеграммы Чехову!» Чувствовалось, что все вместе с ним разделяют эту радость за дорогого нам Чехова.

Остается упомянуть о двух спектаклях, окончательно упрочивших славу театра и показавших ту огромную роль, которую он привнес в жизнь и в искусство, и в общественной жизни. Это — «На дне Горького» и «Три сестры» Чехова.

«На дне» произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Зрители уходили из театра потрясенные, многие не спали потом ночь. Все персонажи долго не уходили от зрителя, обступили его и вместе с Клепом спрашивали: «Где же правда? Правда-то где?» Этот же вопрос задавали мы себе и чувствовали одно: что так далеко жуть не шла. Настоящим буревестником проснувшись над Россией эта пьеса.

«Три сестры» были вершиной достижений театра. Станиславский сам говорил, что это одна из самых крепких спектаклей у них, — это было слишком скромное определение. Спектакль был такой, что подобного ему мне потом не приходилось видеть. В моей жизни я видела спектакли, которые великолепно отсылались в памяти и в душе: такие, как «Июль д'Аркс» с Ермоловой, «Мария Стюарт» с Софией с ней же, «Маргарита Готье» в исполнении Элоизы Дузе, «Отелло» с Саломеи, «Волки и овцы» с Саломеи, Лещинской и Лещинским и т. д., но там впечатление высоты искусства и была обаянием отдельными личностями: одной Ермоловой, одному Гореву, одной Дузе. А здесь нельзя было назвать ни одного лица, которое не давало бы этого впечатление вершины искусства.

Мне пришлось бы упомянуть всех участвующих, чтобы воздать им должное. Размеры статьи не позволяют мне сделать этого. Запомню тем, что после «Трех сестер» Художественный театр занял среди театров России первое место и не утрачивает его и до сих пор доказательство этому то, как раздвинулся Союз театровладельцев славы деятельности театра.

Первое чтение «Найки». В. И. Немирович-Данченко, Е. М. Раевская, А. Л. Виноградский, А. Р. Артем, В. В. Луцкий, О. Л. Куперник, К. С. Станиславский, М. Ф. Андреев, А. П. Чехов, А. И. Андреев, М. П. Дикова, М. Н. Григорьев, М. Л. Роканова и Н. А. Тихонов. (1898 г.)

Комментарий

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) — писательница, драматург, переводчик, близкая знакомая Чехова.

...премьеру Художественного театра «Царь Федор Иоаннович»... — премьера состоялась 14 октября 1898 г.

...с картин Маковского... — имеется в виду исторические полотна Константина Егоровича Маковского (1839–1915), в частности «Смерть Ивана Грозного» (1888), «Воззвание Минина» (1896) и др.

Москвин Иван Михайлович (1874–1946) — артист первого состава МХТ, исполнитель заглавной роли в спектакле «Царь Федор Иоаннович» (1898), которую он сыграл более 600 раз на протяжении 45 лет.

Эфрос Николай Ефимович (1867–1923) — театральный критик, историограф МХТ, автор книги «Московский Художественный театр. 1898–1923» (1924).

...«На дне» Горького... — премьера спектакля в МХТ состоялась 18 декабря 1902 г. (после запрета постановки на императорской сцене).

...«Три сестры»... — премьера спектакля в МХТ состоялась 31 января 1901 г.

...«Иоанна д’Арк» с Ермоловой... — имеется в виду спектакль Малого театра «Орлеанская дева» (1884) по пьесе Ф. Шиллера. Мария Николаевна Ермолова (1853–1928) играла эту роль 18 лет.

«Мария Стюарт» — постановка пьесы Ф. Шиллера в Малом театре (1886).

«Сафо» — постановка пьесы Ф. Грильпарцера в Малом театре (1892).

Дузе Элеонора (1858–1924) — великая итальянская актриса, одной из вершин ее творчества считалась роль Маргариты Готье в пьесе А. Дюма-сына «Дама с камелиями».

Сальвини Томмазо (1829–1915) — великий итальянский актер, одной из вершин его творчества считалась роль Отелло в одноименной трагедии Шекспира (играл с 1856 г.)

...«Волки и овцы» с Садовскими, Лешковской и Ленским... — Имеется в виду спектакль Малого театра (1894), где роль Мурзавецкого исполнял Михаил Прович Садовский (1847–1910), Анфусы Тихоновны — Ольга Осиповна Садовская (1849–1919), Глафиры — Елена Константиновна Лешковская (1864–1925), Лыняева — Александр Павлович Ленский (1847–1908).

Горев Федор Петрович (1850 или 1851–1910) — артист Малого и Александринского театров. Чехов в письме к А.С. Суворину утверждал, что Горев мог порой «возвышаться до такого нервного подъема, на какой не способен ни один русский актер».